

О специфике аллюзивных заглавий литературных произведений

© кандидат филологических наук Т. Ю. Кизилова, 2000

Вопрос об аллюзивных цитатах, функционирующих в качестве заглавий литературно-художественных произведений, представляет особый интерес, потому что цитата в этом случае не только несет сильную эмоциональную нагрузку, ей принадлежит ведущая композиционная роль. Сохраняя обособленность, позиционную выделенность заглавия, цитата становится стержнем всего произведения.

Оставляя за собой роль ключевого, тематического слова, заголовков сопрягает воедино все элементы содержания и формы произведения в единстве его полифонического звучания. Полифония цитатных заглавий, кроме того, основывается на «диалогических» отношениях данного текста с источником: сопрягаются не просто разные языковые элементы, но и разные мировоззрения.

Многомерность аллюзивных заглавий имеет двойственную природу: она основывается как на внутритекстовых связях языковых элементов, так и на интратекстовых отношениях (взаимодействие «своего» и «чужого» слова).

Как уже было отмечено, заглавие должно представлять художественный вывод, содержание-намерение произведения в компактной, лаконичной форме. Поэтому вполне естественно ожидать, что «знаком» текста (в случае опоры его создателя на «чужое слово») будет лишь фрагмент цитаты (усеченная цитата).

Нам представляется, что при анализе заглавий цитатного типа параметр точности цитирования должен быть конкретизирован уточнением того, как 'преломляется' в новом тексте процитированная часть источника. Такое сопоставление может оказаться весьма продуктивным при выявлении того, что объединяет и что разъединяет рассматриваемые произведения, и, следовательно, способствует более глубокому проникновению в сущность аллюзивного процесса. При этом цитата может находиться в самых различных отношениях с контекстом принимающего произведения. В одном случае мы встретимся с пародийной установкой, в другом — с сатирической, в третьем — с сознательной ориентацией на определенную художественную систему. Но всегда художественный эффект использования цитаты связан с определенным отношением к процитированному.

Исходя из сказанного, рассмотрим заглавие романа «The Painted Veil» Сомерсета Моэма.

Адекватно понять авторскую интенцию в романе «The Painted Veil» («Разрисованный занавес») помогает и предпосланный эпиграф из сонета П.Б. Шелли: «...The painted veil which those who live call life». Именно строки сонета лингвистически эксплицируют суть метафорических отношений, возникающих между заглавием и текстом. Но, сходясь с Шелли в восприятии жизни как разрисованного занавеса, С. Моэм создает свою «вариацию» на чужую тему, изначально оглашенную заглавием. Говоря словами В.В. Виноградова, автор проецирует заглавие и композицию своего романа на экран другого литературного стиля, полемизируя с ним. Поэтому отношения содержания «The Painted Veil» с другой культурной традицией можно определить как диалогические. Цитата, вынесенная в эпиграф и заглавие, приобретает двойственный характер: включаясь в текст, она одновременно отталкивается от него. Это отталкивание намечается уже в способе введения «чужого слова» в авторский текст. Отказ от повелительной формы глагола (lift not...) и замена ее многоточием оставляет возможность для многозначной интерпретации авторской позиции, признающей лишь иллюзорность человеческих надежд и тревог.

В связи с рассмотрением взаимоотношений «заглавие-эпиграф - текст», целесообразным представляется рассмотрение того, как «преломляется» в принимающем тексте непрочитанная часть источника. При обращении к сонету Шелли нетрудно обнаружить, что он строится по принципу развернутой метафоры, уподоблению жизни с ее тревогами и надеждами разрисованному занавесу:

Lift not the painted veil which those who live
Call Life: though unreal shapes be pictured there,
And it but mimic all we would believe
With colours idly spread, behind lurk Fear
And Hope twin Destinies; who ever weave
Their shadows, o'er the chasm, sightless and drear.

Опорным образом сонета становится образ разрисованного занавеса (the painted veil), его 'поддерживают' метафорические словосочетания 'unreal shapes', 'colours idly spread', 'weave shadows'; олицетворения 'lurk Fear and Hope'.

Преходящий характер житейской суеты и амбиций является ведущей темой романа и связан, прежде всего, с миссис Гарстин, матерью Китти Фейн. Слова 'dreams', 'hopes', 'ambition' становятся ключевыми при описании этого персонажа.

«But it was on her daughters that she set her hopes. By arranging good marriages for them she expected to make up for all the disappointment of her career. There were two, Kitty and Doris.»

В тексте романа можно найти и другой «осколок» образной системы сонета, его своеобразный прозаический вариант. Метафора «who ever weave their shadows» (of the painted veils) конкретизируется в романе довольно ядовитыми замечаниями о том, ценой каких усилий миссис Гарстин осуществляет свою мечту продвинуться в обществе:

On her side she set herself to cultivate the people who might be useful. She flattered the solicitors who would send her husband briefs and was familiar with their wives. She was obsequious to the judges and their ladies. She made much of promising politicians[...] She had schemed and intrigued all her life and never had she desired anything but what was base and unworthy.

Последний отрывок позволяет довершить некоторую параллель между поэтическими образами сонета и лексическими средствами описания миссис Гарстин:

роман	сонет
lurk Hope	ambition intrigues
dreams	efforts petty aims
to weave shadous	to scheme to intrigue

Отметим, что ни словосочетание «the painted veil», ни опорное слово «veil», в иноказательных целях заимствованное для заглавия, не воспроизводятся в тексте С. Моэма. Однако, в романе встречаются случаи употребления существительного «curtain», семантически близкого слову «veil».

В одном из них интересующая нас лексическая единица реализует свое прямое, номинативное значение, указывая на деталь окружающего героев предметного быта (занавес паланкина, скрываясь за который, Китти давала волю слезам):

«At night in the inns... she dug her teeth in the pillow so that no sound might escape her. But in the day-time, protected by the curtains of her chair, she allowed herself to give way.»

Второй случай употребления слова «curtain» интересен тем, что лексически соотносимая с заглавием лексическая единица выделяет важный сюжетно-композиционный момент повествования: эпидемия холеры, уносящая сотни людских жизней, бескорыстная самоотверженность монахинь помогли Китти сорвать завесу иллюзий и предрассудков, низведя до незначительного все человеческие страсти и суету.

«It seemed to her that, perhaps unconsciously, he had adopted the Chinese view that the Europeans were barbarian and their life a folly: in China alone was it so led that a sensible man might discern in it a sort of reality. Here was food for reflexion: Kitty had never heard the Chinese spoken of as anything but decadent, dirty and unspeakable. It was as though the corner of a curtain were lifted for a moment, and she caught a glimpse of a world rich with a colour and significance she had not dreamt of.»

Во втором контексте слово «curtain» реализует переносное значение, употребляясь в составе деформированной идиомы «to lift the curtain over smth», приподнять завесу над чем-то. Одновременно здесь можно видеть продолжение диалога с Шелли (lift not the painted veil). Происходит своеобразная ‘коррекция’ исходного образа (замена слова ‘veil’ на ‘curtain’), имплицитно возникает сравнение жизни с театром. Цитата входит в текст формально измененной: происходит замена опорного слова-образа и отказ от отрицательной формы глагола (lift not the painted veil — the corner of a curtain were lifted for a moment). Полемизируя с Шелли, С. Моэм не только отбрасывает отрицательный императив (lift not) и заставляет центральный персонаж приподнять занавес (were lifted for a moment). В романе происходит имплицитное обыгрывание религиозных ассоциаций исходного образа ‘veil’: на некоторое время автор заставляет героиню присоединиться к монахиням и найти успокоение от мелких страстей в спасении умирающих людей, т.е. «to take the veil» (принять монашество). Можно утверждать, что в противовес сонету (lift not the painted veil) в романе С. Моэма звучит призыв «take the veil».

Обобщая сказанное, хотелось бы отметить, что анализ аллюзивного заглавия целесообразно проводить, основываясь на следующих операциях:

1. установление источника аллюзии (цитаты);
2. нахождение соответствий между текстом-источником и принимающим текстом;
3. взаимодействие различных значений и употреблений аллюзивного заглавия по мере его развертывания в тексте;
4. постепенная наполняемость заглавия обобщенным смыслом, требующим учета вертикального контекста произведения.